КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ:
БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

КИРИЛЛ

КАЗАНЦЕВ

АНТИКВАРЩИКИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

Казанцев, Кирилл.
К14 Антикварщики / Кирилл Казанцев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Колычев рекомендует: Бандитские страсти).

ISBN 978-5-04-092858-3

Вор в законе Седой награбил антиквариата и бесценных икон столько, что на две жизни хватит. Но второй у него точно не будет, а эту он не дожил и до старости. Перед смертью запрятал он свои сокровища так, что теперь две бандитские кодлы ищут их и найти не могут. Только мочат друг друга почем зря, подбираясь к кладу. Но они еще не знают, что муровский опер Лядов держит все под контролем и ждет не дождется, когда бандиты перебьют конкурентов. А те, кто останется в живых, будут иметь дело с ним...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092858-3

© Рясной И., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая
МАТЕМАТИКА УБИЙСТВА

Полдвенадцатого. «Спокойной ночи малыши» давно закончились. Провинциальный город засыпает рано. Но кому-то не спится в ночь глухую.

Не спится мне. Не спится Егору Железнякову, развалившемуся на заднем сиденье машины. Не спится группе службы наружного наблюдения. И все из-за того, что бодрствует долговязый нескладный зеленопиджачник Рома Лазутин. Солидные, степенные, умудренные опытом люди, такие, как я, приклеенными ходят за этим сосунком и не сводят с него глаз. И не потому, что он интересен нам как личность или нам так важно его никчемное времяпрепровождение. Нас волнует другое. Например, кто совершил убийство.

Чего, спрашивается, делать нормальному человеку в этом мусорном краю в такое время? Сюда даже шпана не заходит, ей здесь скучно. Темная трущобная улица, половина двухэтажных покосившихся домов выселена, черный шпиль колокольни пронизывает темно-серое небо. Неоновый фонарь кидает болезненно-бледный свет на зеленый забор

запущенной стройки — в последний раз мне довелось побывать в этом городишке три года назад, и с тех пор, по-моему, ни одного нового кирпича здесь не положили. На скамейке в небольшом скверике с чахоточно-ломаными «чернобыльскими» деревьями устроился Рома. А соседи его — это роющиеся в мусорных баках около стройки коты да несколько крыс. Изредка пройдет припозднившийся, шарахающийся от собственной тени прохожий. Проедет, шурша мягко шинами, машина.

Рома встал, закурил сигарету, прошелся, помахал руками. Закоченел, мерзляк. Пиджачишко тоненький, хоть и фирменный. А на дворе не май месяц, а всего лишь апрель. Не рассчитывал Рома, что придется ждать полчаса. А ждать надо. Не нервничай, браток, мы жаждем этой встречи не меньше, чем ты. Только она тебя пугает, а нас бодрит и окрыляет. Мы рассчитываем на нее. На то, что дело сдвинется с мертвой точки.

Увесистая цифра, множество нулей, жирно отливающих долларовой зеленью, — это сумма ущерба в результате разбойного нападения на известного коллекционера древностей и всяких прочих раритетов Клементия Владимировича Порфирьева. Осмотр места происшествия походил на торжественное заседание в честь Дня милиции. Перебывали там все, начиная от начальника ГУВД Москвы и кончая старшим опером по особо важным делам Лешей Лядовым, — для тех, кто не в курсе, любезно сообщаю, что это я. Переполох поднялся похлеще,

чем когда в переполненный курятник врывается голодная лиса. Шум, кудахтанье, вопли, призывы и обвинения — во всю мощь теле- и радиоголосов, во всю ширину газетных полос: «Погиб член Пенклуба! Писатель во втором и интеллигент в двадцать втором поколении. Бывший член Президентского совета, сопредседатель дворянского собрания и звезда телепередач!» Число «резонаторов» — преступлений, вызвавших большой общественный резонанс, — выросло на одну единицу. И единица эта чугунной тяжестью легла на мои плечи.

В тот мартовский день судьба, всегда благоволившая к Порфирьеву и не забывавшая баловать его подарками, вдруг показала ему свой смертельный оскал. Две пули пробили сердце и грудь писателя, кровь почти незаметным темным пятном легла на пушистый красный ковер.

Антиквариата в огромной двухкомнатной квартире в тихом арбатском переулке хватило бы на средний музей. Черного дерева мебель, картины в тяжелых золоченых рамах, старинный фарфор и эмаль, серебряные изделия, какие-то невзрачные предметы безумной ценности. Самые дорогие полотна хозяин передал на хранение в Музей частных коллекций. Один из трех сейфов был распахнут, исчезли коллекция марок, несколько уникальных вещиц и еще с килограмм-другой золотых ювелирных изделий.

Дырявили коллекционера из «Рюгера 22/45» — специального бесшумного пистолета, полюбивше-

гося западным спецслужбам. Еще лет пять-шесть назад такое оружие, может, кого и удивило бы, но сегодня с оружием нет никаких проблем — рынок обширный, ассортимент богатый, плати деньги да грузи товар. Интереснее было то, что жертва пустила в дом своего убийцу. Коллекционеры — народ нервный и мнительный, они баррикадируются за тяжелыми дверьми, запираются на хитрые засовы и ограждаются всеми видами сигнализации. Писатель не был исключением. Так что впустил он домой или хорошо знакомого человека, или того, кто сумел обмануть его бдительность. Как именно обмануть? Есть масса способов. Бывает, втираются в доверие преступники под видом собратьев по коллекционерскому хобби или в овечьей шкуре журналистов престижных газет. Предположений можно построить целый микрорайон, но точно узнаем все, когда преступник будет сидеть напротив нас и чистосердечно раскаиваться.

Лена Порфирьева, восемнадцатилетняя студентка МГУ, отбыла на выходные к своему молодому человеку на дачу, но поругалась с ним и вернулась домой. Ей повезло — она всего лишь наткнулась на труп отца. Если бы она приехала на два часа раньше, то потом кто-нибудь наткнулся бы на ее труп. Она вспомнила все похищенные предметы, а так как Порфирьев имел обыкновение фотографировать свои ценности, то теперь мы имели их изображения.

Есть некий стандарт работы по раскрытию подобных дел. Выявляется и отрабатывается круг зна-

комств жертвы. Перекрываются возможные каналы сбыта. Немедленно ориентируются таможенные органы. Описания и изображения незамедлительно ставятся на учет в Интерпол. Закидываются широкие сети, ну а попадется ли в них рыба щука — это еще и вопрос везения.

Люди и средства у нас пока были. Но вряд ли надолго, поскольку подоспели похищение очередного журналиста и взрыв очередного офиса банка, так что у газетчиков и телевизионщиков возникли новые скандальные темы, наше дело отошло на второй план, а значит, не сегодня завтра из бригады начнут отзывать сотрудников.

Если дело не раскрыто в течение трех суток, то нужно настраиваться на долгую работу. Тут три варианта. Или нащупаешь нить, прилежно отрабатывая версии. Или придут интересные сведения, и с их помощью ты перевернешь дело и приведешь его к успешному финалу — а прийти они могут откуда угодно, хоть из провинциального вытрезвителя. Или дело зависнет на неопределенный срок, будет передаваться по наследству от одного опера и следователя к другому, за него будут строго и безнадежно спрашивать, и бесполезно станут пухнуть папки с оперативным и уголовным делами.

Отработка версий не давала ничего, если не считать десятка попутно раскрытых преступлений. Были у меня в коллекции три явки с повинной убийц Порфирьева, жгучие сцены раскаяния с описанием подробностей преступления, которые никак не со-

ответствовали действительности. Повинившиеся никакого отношения к убийству не имели — один был простым психом, двое других, отсиживавших срок в ИТУ, по каким-то причинам хотели прокатиться в Москву, куда, как рассчитывали, их этапируют. Ничего из ряда вон выходящего. По каждому громкому делу идут подобные признания. Дело все больше напоминало противную птицу глухаря — то есть глухое, бесперспективное дело. Но тут, как говорят у нас, труп зашевелился.

В заштатном городишке в трех сотнях километров от Москвы взяли Рому Лазутина. Взяли на валютных операциях — бывает же еще такое. Он хотел продать пару сотен долларов. Пятьдесят из них были фальшивыми. А еще в кармане у Ромы был медальон старинной эмали с изображением Божьей Матери. Вещицу добросовестный оперативник прокатал через автоматизированную информационно-поисковую систему «Антиквариат» Главного информцентра МВД, и вышло, что она из квартиры Порфирьева. Пока суд да дело, Рома отсидел в ИВС свои трое суток, ни в чем не признался — его упрямству мог бы позавидовать карабахский ишак. Когда мы приехали в город, Лазутин уже вышел на свободу. Обратно на нары мы его укладывать спать не стали, а решили поводить несколько дней на коротком поводке.

Сегодня утром Роме позвонили из телефона-автомата. Сиплый голос осведомился, где рыжевье, что на человечьем языке означает золото.

— Менты забрали. За зелень повязали, рыжевья при мне было.

— Ты, бык бродвейный! Они спрашивали, откуда вещь?!!

— Нет. Просто изъяли до кучи.

— Конь педальный!.. Уф-ф... Отрабатывать будешь. Встретимся, скажу как. Иначе...

— Да понял я...

Место встречи — недалеко от дома Ромы. Сидим, ждем. А этот аноним не идет и не идет. Как можно быть таким непунктуальным! А может, этот господин НИКТО уже побывал здесь, срисовал наше наблюдение и сделал ноги?.. Нет, маловероятно, если он, конечно, не телепат.

— Ночевать здесь будем? — наконец вскипел я.

— Придет, — зевнул Железняков.

— А если не придет?

— Тогда не придет... Все болезни, Леха, от нервов. Я вот спокоен, как статуя Будды, проживу сто лет.

— А я неспокоен.

— Тогда ты не проживешь сто лет.

Лазутин пробежался по скверу, попрыгал на месте, съежился от порыва ветра, плюхнулся на лавку и снова закурил.

— Второй, ответь Четвертому, — послышался голос из рации.

— На связи, — произнес я в микрофон.

— Крупный мужчина в темном плаще движется в направлении объекта.

— Вижу, — произнес я.

В нашем поле видимости появилась массивная фигура. Бабушкин «комод». Темень, не разглядишь его нормально. Ничего, «комод», еще будет у нас время, познакомимся поближе, чайку попьем. Если, конечно, ты тот, кого ждет Рома.

— Ну же, — хлопнул ладонью по сиденью Железняков. — Иди к нему.

— Спокойствие, Егор. Иначе до ста лет не дотянешь.

Тот самый! Подошел к Роме. Рома вскочил, завихлялся, развел руками — мол, сколько ждать можно. «Комод» протянул ему руку, сблизился, резко дернулся. А потом...

Потом Рома стал оседать на асфальт. «Комод» склонился над ним и нанес удар в шею.

— Ух, е-мое! — только и воскликнул я, поворачивая ключ в замке зажигания.

«Комод» времени не терял. Он шустро рванул в сторону стройки.

— Объект завалили! — крикнул Железняков в рацию. — Нападавший двинул на стройку. Попытайтесь принять его с Сиреневого переулка.

Я вдавил педаль газа. Машина быстро покрыла триста метров. Выхватив родной потертый «ПМ», я ринулся из салона.

Секунды, секунды, секундочки. Ох, как вас сейчас не хватает. Время безвозвратно упущено. Вся надежда на парней из службы наружного наблюдения. Ну, братки, шевелитесь, мы должны взять его!

Стройка. Плиты. Ямы. Темень. Эх вы, ноги мои, ничего не стоит вас здесь переломать. А заодно и шею свернуть. Где ты, «комод»? Ау! Вон кто-то впереди маячит. Тень. Огонек фонаря... Привет коллегам. Все-то у наружки в запасе, даже фонарь.

— Ушел, — переведя дыхание, сообщил оперативник. — Местность хорошо знает.

Мы вернулись к Роме. Он бездыханно лежал на земле.

— Прижмурился, — отметил оперативник, склонившись над телом.

Действительно, нелегко жить, когда в горле тебе сделали дырку, а живот вскрыли, как при харакири. Может, у кого-то и получилось бы выжить. Но Рома не принадлежал к числу таких уникумов. Он был мертв безвозвратно.

* * *

«Есть неплохое антикварное серебро и золото. Как это откуда? С дела!» Бывает же такое — один человек говорит такие слова другому, а слышит их еще и третий, притом этот самый третий носит милицейские погоны и как раз ищет «антикварное серебро и золото с дела».

По нашим каналам прошла информация, что некие крутые ребята пытаются отыскать канал сбыта. Не из квартиры ли Порфирьева золотишко? Для выяснения этого вопроса меня срочно вызвали в

Москву. Я уехал, оставив Железнякова разбираться с безвременной кончиной Ромы Лазутина.

Разобрались с продавцами «антиков» мы быстро. Оказались они обычными «клюквенниками» — ворами, чистящими церкви. Группа состояла из двух цыган и русского. Почему-то у цыган особая тяга к церквям. Воровскую шайку мы взяли в полном составе. Изъяли сотню икон и гору утвари. К убийству Порфирьева никакого отношения они не имели. Какое там убийство! У «клюквенников» своих забот полон рот. Вон сколько церквей новых открывается, грех не заглянуть.

Неудача. А это значило, что нужно возвращаться в провинциальный город и тянуть слабенькую нитку, идущую от трупа Лазутина.

Дело шло ни шатко ни валко. Роме за неделю до гибели стукнуло двадцать семь лет. Когда была статья о спекуляции, числился он в фарцовщиках. Побывал и валютчиком, даже привлекался к уголовной ответственности, но был прощен в связи с торжеством демократии. Пытался пристраиваться в фирмы, но быстро вылетал, поскольку такой работник — сущая беда для любой коммерческой структуры. Подторговывал краденым, отсидел за это в СИЗО, опять был отпущен на все четыре стороны в связи с амнистией.

Ясно было, что убийца из знакомых Лазутина. Оставалось проверить каждого и хотя бы спросить об алиби. Знакомых у Ромы оказалось полгорода или около того. Прохиндеистый обаятельный ша-

лопай постоянно пребывал в долгах, отдавал деньги одним, перезанимал у других, зажимал третьим. Один раз ему сломали руку, другой раз пощекотали ножичком, но не помогло — таких только могила исправит. Возможно, из самых лучших побуждений ему прописали такое лекарство.

О преступнике мы имели самое общее представление. Ни мы, ни оперативники из службы наружного наблюдения не рассмотрели его достаточно хорошо. Усекли только, что это было что-то большое.

Габариты убийцы — тоже отличительная черта. Таких здоровяков не так много. Но и не так мало, чтобы допросить каждого в трехсоттысячном городе. Еще имелась звукозапись голоса — если, конечно, звонил сам «комод», а не его подельник.

Провинция — не Москва, где каждый день по десять убийств, не считая обычных взрывов, терактов, разборок и грабежей сберкасс. Да и милиция здесь работала по старинке, полностью выкладываясь на раскрытии убийства. По прибытии я имел счастье увидеть толстенный том с оперативными материалами и не менее толстый том уголовного дела. Нарыли мои коллеги немало. Но... ничего конкретного. Только со всей определенностью было ясно, что среди близких знакомых Ромы «комод» не числился.

Вечерочком я, Железняков и заместитель начальника уголовного розыска Владимир Масляненко собрались в кабинете последнего.